Радина Н.К. Российская мужественность как интенция //
Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. В 2-х
томах: Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 154-157

Н.К.Радина,
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

Российская мужественность как интенция

Практики российской мужественности, во многом повторяющие классические «маскулинные каноны», на этапе перехода от советского к постсоветскому обществу в исследованиях часто описываются в контексте «кризиса маскулинности»[1]. Концепция «кризиса маскулинности» как бы поясняет: невозможность реализовать прескриптивную мужественность в границах собственного поведения толкает мужчину-россиянина на деструктивное, саморазрушающее поведение (отказ от продуктивной социальной деятельности, лень, алкоголизм и т.п.)[2].

Существуют также предположения, что «архетипическая» российская мужественность, представленная в целом в фольклоре и особенно очевидно в народных сказках, - по целому ряду характеристик отличается от классического патриархатного образа доминантного мужчины (т.е. архетипическая российская мужественность объектно не активная, ориентирована на отношения)[3]. Русский Иван-дурак оказывается компетентным в традиционных «женских областях»: он заботлив, жалостлив, сердечен, открыт, простодушен. Размышляя о специфике практик «российской мужественности», рассмотрим два исследования, проблематизирующих национальное как особенное в общекультурном гендерном.

В первом исследовании, посвященном анализу мужской идентичности в социально-психологическом ключе, возможные варианты развития мужской идентичности были представлены в контексте дихотомии «патриархатная / альтернативная мужественность» (всего идентифицировано 7 вариантов мужской идентичности). Мужчины одного из изучаемых вариантов мужской идентичности, а именно мужчины с вариантом «мягкая патриархатная мужественность», по результатам блока психодиагностических тестов психологически оказались достаточно близкими сказочным Иванушкам-дурачкам – т. е. ведомыми,

---

[1] Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности. Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432-451.
[2] Кон И.С. История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общей редакцией д-ра экон. наук М.М.Малышевой. М.: Academia, 2002. С. 188 – 242.
[3] Пушкарева Н.Л. «Странные мужчины» в русской национальной традиции. Режим доступа: http://www.astrasong.ru/index.php/science/article/348/ [Дата обращения 22.12.2010].

эмоционально открытыми, принимающими и понимающими другого человека[4].

Согласно выборке, превышающей 300 мужчин разных возрастов и с разным уровнем образования, тех, кто психологически близок «Ивану-дураку», - около четверти. Таким образом, сказочный и нестандартный с точки зрения мужских канонов образ Ивана-дурака «психологически воспроизводим» в достаточно большой группе реальных россиян-современников.

Второе исследование, благодаря которому анализ национальной специфики мужественности вновь оказался в центре внимания, было посвящено изучению образов экологических и техногенных катастроф в современных документальных фильмах (документальные фильмы «Унесенные пеплом»; цикл «Профессия - репортер»; автор – Ю. Варенцова, руководитель программы - Н. Картозия, шеф-редактор – Т. Молева, режиссер К. Баранов, телекомпания НТВ, 2010 год, и «Холодная зима 2010»; цикл «Профессия – репортер», автор – А. Бахарев, руководитель программы – Н. Картозия, шеф-редактор Т. Молева, режиссер И. Белов, телекомпания НТВ, 2010 год). Для осуществления научной рефлексии была произведена запись всех закадровых реплик и нарративов в кадре фильмов, далее все записанные нарративы были тематизированы и определены в «событийные кластеры». Видеоряд документальных фильмов в исследовании использовался как вспомогательный материал.

Анализ нарративов в документальных фильмов показал жесткое деление социальной реальности на приватное (страдающее, сопротивляющееся, находящееся в фокусе авторов фильма) и публичное (менее рефлексируемое авторами документальных фильмов).

Приватная сфера в фильмах традиционно населена преимущественно женщинами (жертвами катастроф и катаклизмов). Однако в приватной сфере, представленной в фильмах в трагическом свете и звучании, время от времени встречаются и мужские персонажи.

Если тематизировать образы мужчин в приватной сфере нарративов российских катастроф - это стихийные защитники (например, волонтеры на пожарах), защитники семьи (мужчины, выполняющие функции пожарников, защищая свой дом, семью, деревню), а также страдающие мужчины – семьянины, описываемые в контексте заботы о детях и жене, как правило, не сумевшие сохранить свое имущество от стихии. Обобщенный образ-нарратив россиянина в приватной сфере российских катастроф вновь прочитывается в контексте русских народных сказок: герои оказываются в чем-то деловитыми, в чем-то по-детски неумелыми,

---

[4] Радина Н.К. Никитина А.А. Образцы мягкой патриархатной мужественности: современные старшеклассники и герои русских народных сказок // Библиотековедение. 2011. №3. С. 63 – 68.

самоотверженными, жертвенными, эмоционально-включенными, ответственными.

«Герои повседневности» нарративов фильмов о катастрофах не были мужчинами - героями в идеальном смысле (сильными, могущественными, мудрыми, влиятельными и т.п.). Их мужественность проявлялась как интенция, без вопроса, насколько она идеальна, насколько она «настоящая». Опасности и угрозы, вызовы, сопровождающие мужские жизненные сценарии, и даже смерть – не останавливали «героя повседневности»: он был готов погибнуть в процессе испытания собственной мужественности.

Национальный сказочный герой не будучи самым сильным (напротив, будучи скорее слабым), часто оказывается победителем за счет своего окружения, внешней поддержки и помощи, за счет эмоционально-значимых социальных сетей.

Результаты данных исследований позволяют предположить, что ряд характеристик в синдроме «кризис советской и постсоветской мужественности» (например, социальная незрелость, эмоциональная уязвимость) – вероятно, не столько характеристики «кризиса маскулинности», сколько описание национальной специфики (особенно, если учесть вариативность мужской культуры, существование множества культурных дискурсов, которые реализуют мужчины в своем поведении).

В условиях определенных социальных правил, в условиях «стабильности», российская мужественность кажется одномерно-патриархатной и только социальные трансформации демонстрируют ее «внешний скелет», «незрелость», зависимость от социального окружения.

Социокультурные причины, обусловливающие феномен недоминантной российской мужественности, вероятно, следует искать в историческом (постоянные военные кампании, воспитание без отцов) и социологическом (специфика организации социальных систем) пространствах. Тем не менее учет многообразия форм «мужского» вне оценочных суждений позволит переоценить национальный дизайн прескриптивной мужественности, позволит эмоциональным, недоминантным, заботливым мужчинам чувствовать себя полноправными национальными «героями повседневности», описанными много веков в назад в русских народных сказках.